

Степан Стурейко

Фото Анны Дапшевичюте

историк, культурный антрополог, доцент Европейского Гуманитарного Университета и председатель правления Белорусского комитета ИКОМОС (Международный совет по памятникам и достопримечательным местам). Занимается теорией культурного наследия, новой музеологией, развитием сообществ наследия. Автор трех монографий и около 40 академических статей.

Наследие как дискурсивный конфликт, заимствование и ритуал

Степан Стуреико

Heritage as a Discursive Conflict, Adoption and Ritual

The article of EHU Associate Professor and Chair of ICOMOS-Belarus National Committee PhD Stsiapan Stureika covers a number of theoretical aspects which came out of the author's own observations during participation in the 41st World Heritage Committee session and some other projects on cultural heritage governance and preservation in Belarus. The core idea of the text is that the study of heritage communication opens a door towards a gradually deeper understanding of the heritage phenomena itself and also gives a key to its proper governance. As experts participate in a global exchange of heritage ideas, they must be conscious and reflective on how these ideas are circulating and how production chains in the cultural heritage field function.

Культурное наследие – это не старые камни, а смыслы, которые мы в них вкладываем. К такому убеждению о существовании наследия приходят многие эксперты [1; 2], в том числе и автор данного текста. В отсутствии смысла камни остаются камнями, а старые обряды – в лучшем случае фольклорными элементами. Отход от того, чтобы выдвигать сохранение «объективной» материальности на первый план, смещение фокуса экспертного обсуждения с «памятника» на «наследие» позволяет иначе работать с культурными ценностями, видеть в них потенциал развития [3]. Нет, никто не говорит об отказе от «традиционного» сохранения. Просто теперь его цель видится иначе – имеющей отношение не столько к прошлому или будущему, сколько к современности. Этот поворот является следствием критической рефлексии, которой была подвергнута индустрия наследия в эпоху его продолжающегося бума.

Данный текст написан с позиции практикующего исследователя, ежедневно сталкивающегося с ограничениями и ищущего выход из алогизмов и замкнутых кругов

Панорама зала на 41-й сессии Комитета
Всемирного наследия в Кракове.
Таблички обозначают страны-участницы.
Фото автора

действующей системы. Я буду отстаивать здесь два тезиса: 1) наследие – не артефакты, а разворачивающиеся вокруг них процессы; 2) эти динамичные процессы требуют новой критической оптики не только для их описания, но и для перенастройки.

Наследие предлагается рассматривать в качестве динамичной коммуникативной системы, вовсе не завязанной на материальности или фольклоре. Эту систему можно мысленно представить в виде прозрачной сферы, стенки которой состоят из акторов и паутины их взаимодействий в отношении объектов или элементов, которые кто-то зачем-то помещает внутрь ее. Этими элементами может быть буквально все: старые костелы, концентрационные лагеря, фабрики, ландшафты, обряды, кулинарные рецепты, умирающие языки, английский газон и многое другое. В эпоху бума наследия что угодно может оказаться в центре внимания туристов, музейщиков, реставраторов и чиновников (т. е. в центре сферы). Но это «что угодно» катализирует отношения, подкрашивает сферу в новые оттенки, в общем, меняет ее каждый раз уникальным образом. В этом тексте я попробую поразмышлять над конструкцией и свойствами нашей белорусской и, шире, восточноевропейской сферы, а также рассмотреть ее динамику.

Акторы и дискурсивные столкновения

Акторы коммуникации являются ключевыми элементами всей системы, однако неправильно было бы изображать их в виде излучающих послания точек. Менеджеры, музейщики, реставраторы, общественные активисты, историки, чиновники и т. д. – все они действуют в соответствии с корпоративными профессиональными идеалами, профессиональной дисциплинарной оптикой и институциональными целями. Перечисленные чрезвычайно важные вещи рождают производные понятийные системы и стили мышления, образующие целые дискурсивные поля, кратко пересекающиеся в моментах дискуссий о судьбе

конкретных памятников или общих правил работы с наследием, на конференциях или в журналистских расследованиях. Кооперация между ними в реальной жизни за пределами этих дискуссий весьма ограничена даже без учета того, что и сами они далеко не монолитны.

Барьеры начинаются еще с получения профессионального образования, наращиваются посредством обрастания рабочими связями, и, в конце концов, окончательно укрепляются постоянной коммуникацией в рамках герметичных систем. И только смена выполняемых ролей (что случается крайне редко) позволяет сменить перспективу и увидеть иное. В противном случае чужие «поля» кажутся чуждыми, если не сказать враждебными, настолько, что разговор между акторами может потребовать присутствия переводчика с русского на русский (у меня был и такой опыт).

Столкновения этих дискурсивных полей можно наблюдать постоянно. Приведу здесь две самые запомнившиеся мне истории.

В октябре 2016 года меня выбрали в качестве эксперта программы ЕС для стран Восточного партнерства «Культура и креативность» с заданием написать отчет о состоянии сектора культурного наследия в Беларуси. Не получив специальных инструкций, я решил писать о том, как в Беларуси реализуются социальный, экономический и культурный потенциалы наследия. За время двух полных сессий я собрал около 30 интервью с реставраторами, музейщиками, чиновниками и общественными деятелями и совершил несколько визитов в различные институции, работающие с наследием не только в Минске, но и в Гродно, Бресте, Несвиже и Мстиславле. То, что способ мышления интервьюируемых о наследии серьезно отличался от моего, было очевидно с самого начала. Однако я впервые сделал еще одно интересное наблюдение. Если кратко, оказалось, что профессионалы из различных областей используют одни и те же концепты – например, «устойчивый туризм», «вовлечение сообществ» и даже «нематериальное наследие» – не только весьма

различным образом, но и достаточно далеко от того, как эти же концепты трактуются в профессиональной литературе и в международных конвенциях.

Следующее столкновение было зафиксировано, когда меня направили в Краков в качестве члена официальной белорусской делегации на 41-ю Сессию Комитета Всемирного наследия (2–12 июля 2017 года). За десять дней сессии мне пришлось не только ознакомиться со множеством документов, подготовленных ведущими экспертами ЮНЕСКО, но и быть свидетелем многочисленных дискуссий (порой очень-очень горячих) в залах Краковского конгресс-центра. В конце концов стало очевидным, что национальные делегации, обсуждая темы сохранения, трактуют саму концепцию «Всемирного наследия» весьма по-разному и, кстати, также довольно differently от того, что, казалось бы, ясно написано в Конвенции 1978 года.

Для некоторых стран статус всемирного наследия их объектов является преимущественно средством развития туризма, для других – инструментом политической борьбы, для стран Африки и Океании – средством привлечения к себе гуманитарного внимания, для европейских – инструментом управления и развития реставрационных подходов. Логичным продолжением разных трактовок стали и различные подходы к сохранению наследия, к пониманию того, что приносит ему пользу, а что вредит. Тогда я задумался над тем, как такое вроде бы единое понятие стало

настолько многозначным?.. Каким был сам путь мультипликации значений, какие акторы направляли эту эволюцию и почему они обратились к именно таким трактовкам?

При этом возможность нахождения консенсуса или какой-либо устойчивой иерархии, порядка взаимодействия между всеми акторами весьма иллюзорна. Достаточно посмотреть на историю сохранения наследия в любой стране, чтобы увидеть, что она сплошь состоит из перетягиваний одеяла, борьбы за лидирующую роль в принятии решений и перекладывания ответственности за провалы. Все это находит отражение не просто в риторике, но и в терминологических спорах, производными от которых являются законодательные определения, университетские учебники и другие «инстанции объективности».

В общеевропейском смысле мы сейчас становимся свидетелями очередного витка этой борьбы, вызванной тенденцией к демократизации и повышению инклюзивности общества. Прекрасная иллюстрация – дебаты о новом определении термина «музей» в международном ИКОМе [4]. Если совсем кратко: музей – это хранилище ценных артефактов или коммуникативная площадка? Со стороны это может показаться даже забавным: музейные профессионалы сами не понимают, где работают?

На деле обратной стороной демократизации наследия становится ослабление роли традиционных акторов. Сообщества с помо-

стью так называемых «новых экспертов» претендуют на то, что теперь сами могут определять, что есть наследие, принимать решения по управлению им и иногда даже расставаться с ним без того, чтобы незамедлительно быть обвиненными в совершении преступления.

Еще один сдвиг: наследие из монопольной зоны ответственности историков, археологов и реставраторов все больше переходит (или давно уже перешло, а мы просто никак не можем с этим смириться?) в зону ответственности менеджеров, экономистов, бизнесменов и

т. д. Наследие из объекта научного интереса превратилось в популярный аттракцион, в продукт консьюмеризма. Теперь помещение любого объекта в описанную выше сферу – не акт искусствоведческого открытия, а лишь отработанная коммуникативная технология.

Так или иначе, нас обязательно ждут еще новые столкновения и дискуссии. Актеры займут новые позиции и продолжат конкурировать друг с другом. Текущие сдвиги вряд ли необратимы.

Постмодернистское здание гостиницы Inntel Amsterdam Zaandamn, открытое в 2010 году, включает в себя фасады около 70-ти традиционных зданий этого региона Голландии.
Фото David van der Mark

Миграция опорных идей

Актеры наследия формируют свой дискурс и коммуницируют в среде, насыщенной глобальными концептуальными идеями, весьма сильно влияющими на то, как реагирует сфера наследия на очередные объекты. Существует определенная миграция идей наследия, в развитии которых Западная Европа, может, и утратила статус абсолютного лидера, но в целом все еще занимается скорее их производством, чем импортом. В Беларуси же сфера культурного наследия практически полностью зиждется на идеях и концептах, разработанных вдали от нас.

Таковыми импортированными понятиями, на примере которых лучше всего видна описанная динамика, являются «Всемирное наследие ЮНЕСКО», «сообщество наследия», «нематериальное наследие», «культурный ландшафт».

К сожалению, мы пока не производим собственных идей и не придаем им концептуально-инструментального наполнения. В то же время надо понимать, что используемые нами идеи и концепты, прежде чем быть инструментализированными, прошли долгий путь эволюции.

От интеллектуальных абстракций или удачных управленческих находок для решения текущих проблем через академическую и профессиональную дискуссию, через накопленный опыт применения эти идеи выкристаллизовывались в книгах, научных и практических проектах. Наиболее очевидными центрами их производства выступали ЮНЕСКО, ИКОМОС, ИККРОМ, ИКОМ. Далее эти идеи распространялись поверх географических границ, переосмысливались в национальных контекстах, переводились на языки международных хартий и местных законов, а затем адаптировались для применения рядовыми исполнителями на низовом уровне.

Таким образом западные концепции культурного наследия экспортируются и опреде-

ленным образом приживаются вне Европы, вписываются в локальные социальные, культурные и политические контексты.

Но как именно трансформируются эти идеи, по каким законам? Можно предположить, что любая новая идея наследия может быть успешной вовне, лишь если локальные элиты находят для нее подходящую интерпретацию. Наследие само по себе уже является бесконечным ресурсом легитимации. Современный концепт культурного наследия родился в стремительно национализирующейся Европе XIX века в качестве доказательства исторического пути нации и самого ее территориального существования [5].

Поэтому успех любой новой идеи зависит от того, насколько эффективно и удобно она может быть использована элитами в качестве еще одного инструмента внутренней и/или политической легитимизации, например, за счет опоры своих действий на широко признаваемые правила (абстрактное международное одобрение). Роль этой внешней легитимизации трудно переоценить. Однако все вышеперечисленное также нельзя сводить к узко понимаемой манипуляции, к бездумному использованию (хотя случается и такое). Скорее, речь идет о стратегиях присвоения чужого интеллектуального потенциала во имя поддержки старых и нахождения новых направлений развития.

Это – некая игра в переодевание, попытка проводить свои смыслы, легитимируя их через обращение к авторитетному (международному, экспертному) мнению.

Роль внешней легитимации в Беларуси сложно переоценить. Очень часто на разнообразных встречах, где обсуждаются важные вопросы, касающиеся не только наследия, приглашают зарубежного гостя (значимого чужого), чтобы разнообразными манипулятивными способами подтолкнуть его сказать то, что надо приглашающей стороне.

Поэтому буквально понимать белорусскую и восточно-европейскую риторику,

отсылающую к упомянутым ключевым понятиям, не стоит. «Говорят Манчестер, подразумевают Ливерпуль». Нужен постоянный перевод с международного на местный, нужна дешифровка смыслов.

Распространение этих идей интересно было бы сопоставить с разворачивающимися социально-экономическими и культурными процессами, в рамках которых возникает осознанная необходимость обращения к наследию. Конечно, ведь не только воля элит, но и социально-экономический базис определяет надстройку. Это марксистский подход к наследию, но давайте посмотрим на постсоветскую реальность в сравнении с западной.

Рождение институтов охраны наследия в Великобритании и других странах Западной Европы в XIX веке – это акт управления, осуществляемый в ответ на общественный запрос. В основе охраны лежало нечто невиданное для западного мира, а именно – ущемление прав собственности на недвижимость ради выгод современного национализма.

Напротив, отсутствие частной собственности на недвижимость в Советском Союзе делало управление наследием весьма эффективным и не требовало дополнительных инструментов. Поэтому его охрана имела иную природу, завязанную скорее на политическое и символическое значения. Отсюда следует неизбывный примат государства, а также иерархичность и тотальное доминирование властного дискурса.

Рассмотрим трансформацию еще нескольких ключевых идей.

Всемирное наследие ЮНЕСКО «у них» – это способ выделить наиболее достойные образцы культуры человечества для того, чтобы снабдить их сохранение своеобразной «подушкой безопасности». По своей сути это фактически мультипликация национальных принципов управления на международном уровне. Причем, как и в случае с правами собственности, следствием внесения объекта во Всемирный список является его «де-

национализация». Объект больше не может трактоваться исключительно в национальных категориях, он наделяется универсальной выдающейся ценностью. Управление им больше не суверенно.

Однако в случае со сравнительно молодыми национализмами это работает несколько иначе. Для развивающихся государств давно наметился своеобразный «стандарт» – иметь в списке ЮНЕСКО не менее трех объектов. Но странам свойственно множиться. До 1991 года Советский Союз был представлен в списке киевской Святой Софией и Киево-Печерской лаврой, Беловежской пущей, Санкт-Петербургом, Кижамы, Московским Кремлем и Хивой. После 1991 года достойной репрезентации захотела каждая из 15-ти новых стран. Наличие объектов в списке смещается в плоскость политического престижа. Как следствие, этим все больше занимаются министерства иностранных дел, дипломаты, а не историки или деятели культуры. Кроме того, присутствие в списке повышает туристический потенциал, а, следовательно, приносит еще одну, экономическую, подоплеку его расширения. Теперь быть Всемирным наследием означает принести деньги в госбюджет.

Следующее понятие – нематериальное наследие. Посвященная ему Конвенция ЮНЕСКО 2003 года имеет в своей основе задачу не столько сохранения, сколько обеспечения защиты культурных прав сообществ. По сути, нематериальное наследие – первое наследие, которому позволяет исчезнуть, если сообщество перестает признавать его ценность. Статус нематериального наследия – это способ оградить сообщества, не защищенные другими правами, от размывания. Отсюда распространяемый в международных сборниках лучших практик упор на самоорганизацию, отсюда релятивность проявлений нематериальной культуры, отношение к ним как к живым, эволюционирующим элементам. Цель охраны – обеспечение преемственности [6].

В Беларуси признанное на официальном уровне нематериальное наследие – преимущественно моноэтническое (белорусское), традиционное, сельское. Это тот самый фольклор, если надо, возрождаемый, оберегаемый извне районными чиновниками, заинтересованными в выполнении доведенных показателей и воспринимающими исчезновение элементов как показатель собственной неэффективности. Цель их охранной деятельности – не обеспечение естественной преемственности, а консервация, этнизация и популяризация обрядов. Сообщества при таком подходе превращаются в пассивных носителей традиции. Хотят ли они, чтобы их защищали и охраняли, – большой вопрос.

Еще один важнейший концепт – «сообщество наследия», продвигаемый конвенцией Фаро 2005 года (Рамочная конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества). О его заимствовании в Беларуси на официальном уровне речь вообще не идет. Какие тут права на наследие, если с обеспечением базовых прав человека у нас проблемы. Эта концепция отдана на откуп негосударственным инициативам, которые, в свою очередь, пытаются использовать его для легитимации собственного протеста, впрочем, пока безуспешно.

Деревянное наследие «у них» – способ заявить о себе в ЮНЕСКО за неимением традиций каменной архитектуры, у нас оно же – объект интереса городских движений (градозащитников), инструмент их борьбы за «право на город». Индустриальное наследие на Западе – способ дать импульс стагнирующим деиндустриализированным городам, превратить их жителей из безработных неудачников в носителей трудовых традиций, повысив таким образом качество жизни. У нас это – атрибут хипстерской культуры, способ обосновать повышенную арендную ставку.

Карго-культ в области наследия проявляется и в концепции наследия архитектурного модернизма, абсолютно интернациональной

по своей сути. В Восточной Европе она разворачивается через привязку к известным местным архитекторам вкупе с отторжением прочего, не менее значимого, того, что трудно вписать в национальный нарратив и канон (сравните превознесение ценности сносимого здания БелЭкспо в Минске с трактовкой Гродненского драмтеатра как градостроительной ошибки). А что уж говорить про реставрационные методики, про сценарии культурных проектов и тематику исследований. Заимствуется все! Все наделяется собственным смыслом, сравнение которого с оригинальным порождает порой эффект комичности.

Остается лишь мечтать и усердно работать, создавать питательную интеллектуальную среду для того, чтобы и у нас возникало что-то, достойное экспорта. Хотя это и невероятно трудно ввиду того, что будет описано в следующем разделе.

Наследие как ритуал

Сохранение как таковое, а также избранный способ сохранения представляют собой, как правило, осознанное решение. Но решение для чего? Наследие – это определенный троп, используемый для выхода из затруднительной ситуации через введение в него мобилизующего ценного или символического легитиматора. Но может ли этот троп жить своей жизнью? Наблюдения показывают, что вполне, превращаясь в коммуникативный ритуал сам по себе.

Как низкая крестьянская культура построена на традиции и повторении (зачастую повторении впечатливших ее носителей образцов высокой элитарной культуры), так и система охраны наследия в Восточной Европе сплошь состоит из таких ритуализированных повторений. Это пирамида повторений, в которой нижестоящие уровни повторяют образцы с постоянной редуцией – банализацией и примитивизацией. В такой культуре ритуала

отсутствие рефлексии и утечка смысла прекрасно компенсируются устойчивостью модели.

Существует несколько путей попадания объектов в описанную выше сферу наследия, и далеко не все из них осмысленны. На низовом уровне сфера инкорпорирует объекты, исходя не из потребности, а потому что просто не может иначе, это всего лишь ее способ самовоспроизводства. Для этого процесса существует даже специальный термин – херитажизация или актуализация наследия.

Современная охрана наследия подразделяет артефакты на мусор и ценности, по сути, вынося им вердикт. Но каким образом историки и краеведы понимают, что можно безжалостно снести, а что представляет ценность и что стоит оплакивать? Если мы говорим о наследии тоталитаризма, то памятники Ленину им хочется снести, а вот Куропаты, напротив, – непременно сохранить. Любое здание старше 70 лет «машинально» вносится ими в охранные списки. Музеефикация – автоматическая, «по умолчанию» судьба старых памятников.

Путь херитажизации можно разбить на стадии риторических поворотов, претендующих на то, чтобы изменить общественное отношение и запрограммировать определенный набор действий. Это путь от «не мусор, а ценность» к «законсервировать в первозданном виде».

Под видом академических исследований наследия у нас до сих пор доминирует его адвокатирование. Нет ни одного примера, когда результатом стала бы констатация отсутствия ценности. А значит, в вебериянском смысле это вовсе не исследования, а лишь некая ритуальная коммуникативная стадия.

Историки, увлеченные определенной темой, зачастую убеждены, что их любимые объекты – самые значительные, что они недооценены общественностью, а если бы были

оценены по достоинству, то потребовали бы к себе большего внимания и больших ресурсов на сохранение. Здесь к риторике обязательно подключается морально-этическая компонента. При этом в ход пускаются любые аргументы, подрывающие иные, помимо консервационно-реставрационных, сценарии модернизации, уничтожаются альтернативные варианты судьбы объекта.

Обсуждая ценности, мы занимаемся актуализацией, создаем наследие, направляя втягивающую воронку на самые неожиданные артефакты и явления нашей жизни. Что делают с наследием? Сохраняют, реставрируют и музеефицируют. Во всех этих процессах ритуального, особенно на уровне риторики, гораздо больше, нежели содержательного.

Можно сказать, что сфера наследия сама постепенно начинает генерировать объект, оставляя все меньше исходного артефакта и замещая аутентичку собственными конструктами. Профессиональные акторы наследия неплохо осведомлены о том, насколько неизбежна и неумолима материальная трансформация охраняемых объектов, но это совершенно не мешает им в публичном поле делать вид, будто ничего подобного не происходит, и даже открыто противостоять изменениям.

Так постепенно складывается ситуация, когда в структуре наследия любого исторического центра гораздо больше мифологии и интерпретации, нежели реальной аутентички, которая нам уже практически не доступна. Перед нами реплики и политически мотивированные интерпретации на заданную тему, симулякры, архетипы наследия. Восстановление Варшавы и других ключевых объектов, принятие Рижской хартии могут служить показательными примерами. Кроме того, существует феномен коммодификации, туристического приспособления, а также джентрификации, которые усиливают ре dukцию наследия. Тем не менее, наследие в

Восточной Европе для собственной легитимации постоянно рядится в одежды западных идей об аутентичности и научной реставрации.

Любая реставрация – это ритуальная попытка «сделать как было» при всей невозможности последнего. А как работает критика реставрации? В ней также присутствует определенная ритуальность. Сначала реставрационный проект приветствуется как спасение. Проект призывается, заманивается в ловушку, но как только решение принято и начата реализация, за этим следует его неминуемое риторическое уничтожение, вплоть до низведения в ранг преступления и отстаивания позиции, что «лучше бы ничего не делать, чем так». Здесь проявляется соприкосновение трех факторов: претензии градозащитников на участие в принятии решений, особенности освещения в медиа любых проблем, текущая внутривластная дискуссия в широком смысле. При этом, в случае, если градозащитнику самому удастся войти в круг лиц, принимающих решения, его склонность к компромиссам резко повышается.

Также необходимо понимать, что любые договоренности по поводу наследия не выдерживают проверку временем. Изменяются участники, представления и обстоятельства, а значит, невозможно договориться раз и навсегда. Объекты прирастают новыми коммуникативными слоями, но из этой сферы наследия им уже не вырваться.

Заключение. Какое наследие настоящее?

Действующая система охраны памятников неповоротлива и одномерна, построена на презумпции сохранения и выполнении церемониала. При этом критическое рассмотрение системы позволяет увидеть ее ритуализированность, построенную в т. ч. на нормирован-

ных риторических практиках. В Беларуси она сама могла бы показаться застывшим артефактом и памятником самой себе, если бы не наблюдаемый поворот во внешнем мире, связанный с бумом наследия. Данный поворот ввел в действие множество глобальных акторов, показавших относительность казавшихся прежде незыблемых риторических максим.

Сфера наследия при этом функционирует на разных уровнях по собственным законам, она динамична, у нее есть свои опорные точки и внутренняя логика. Все это переводит фокус нашего внимания с изучения статичности на изучение процессов.

Если принять основной тезис данного текста о том, что наследие – это не аутентичные артефакты, но складывающаяся вокруг них коммуникация, тогда интерес представляют не шаблонные ритуализированные форматы сохранения, а сам процесс возникновения вопросов и поиска ответов, нестандартные решения и развитие сюжетов наследия. Значит, искать и обсуждать имеет смысл именно динамику коммуникации. Только она и является тем живым, что определяет настоящее наследие.

И даже больше: если память понимается не как нечто, контейнированное в материальных артефактах, а как процесс коммуникации, наследие не обязательно должно иметь стабильную материальную структуру. Скорее материальный артефакт – лишь один из элементов сложной системы. И только восстановленное заново, мимикрирующее и утратившее всякую связь с аутентичностью, но тем не менее являющееся подлинным воплощением наших ценностей, представлений о золотом веке и о том, как строить современную жизнь, – представляет собой чистое, истинное наследие: исторические центры Варшавы, Франкфурта-на-Майне, Минская ратуша...

Поскольку невозможно окончательно сохранить и «раз и навсегда» отреставрировать

объекты наследия, вместо ритуального противостояния изменениям гораздо более продуктивным было бы признание их значимости. Именно такой процессный и коммуникативный подход видится выходом из тупика привычных схем охраны-популяризации и дает шанс на то, чтобы опять привлечь в эту сферу должный интеллектуальный ресурс, которого там, к сожалению, почти не осталось. Это необходимо, чтобы сделать наследие чем-то, что опять, как в XIX веке, сопряжено с развитием общества, а не просто поставляет ретро-картинки для украшения интерьера современности.

Использованная литература

- [1] Smith, Laurajane. *Uses of Heritage*. Routledge, 2006. 368 p.
- [2] Ashworth, Gregory. *From history to heritage: from heritage to identity: in search of concepts and models* // *Building a New Heritage: Tourism, Culture and Identity in the New Europe*. Ed. by Ashworth G.J. and Larkham P.J. London: Routledge, 1994. P. 13–30.
- [3] *Cultural Heritage Counts for Europe (Full report)*. Krakow: CHCfE Consortium, International Cultural Centre, 2015. 297 p.
- [4] Haynes, Suyin. *Why a Plan to Redefine the Meaning of 'Museum' Is Stirring Up Controversy (09.09.2019)* // *Time*, <https://time.com/5670807/museums-definition-debate/> (12.10.2021).
- [5] Poulot, Dominique. *The Birth of Heritage: 'le moment Guizot'* // *Oxford Art Journal*, Vol. 11, No. 2, 1988. P. 40–56.
- [6] Harrison, Rodney. *Heritage: Critical Approaches*. Routledge, 2013. 268 p.